

— Я не знаю, что такое старое и новое, я знаю только, что вы все одинаковы. Если выиграете, наши люди умрут, и вам не придётся тратить деньги на их обустройство. Если проиграете, вы просто уйдёте, оставив нам разбираться с этим бардаком. Я не понимаю, что такое переворот, я знаю только, что вы хотите нашу землю и наших людей.

А-Да вздохнул, сделал паузу и продолжил:

— Не думайте, что я ничего не знаю. Раньше, когда было старое правительство, нам обещали землю, обещали, что после войны дадут деньги, чтобы мы могли заниматься своими делами.

— А теперь вы, государство Ши, что хотите? Вы хотите общее пользование, специализацию. У вас много людей и мало земли, у нас же земля обширная, а людей мало. Вы хотите включить нас в свою систему, чтобы забрать землю, на которой наши предки жили веками, и использовать её для своих промышленных нужд.

А-Да сжал кулак, убедившись, что рана не разойдётся, выпрямился и встал.

Брат Цун хотел возразить, но А-Да не дал ему слова. Он повернулся и, с прежним высокомерным видом, взглянул на брата Цуна, завершая разговор:

— Больше не говори мне о примирении. Я повторяю: мне всё равно, что думают другие деревни. Я не отдам ни пяди земли нашей деревни Ситоу. Если вы решите напасть, я буду сражаться до конца.

Слова звучали жёстко и бескомпромиссно, но, закончив, А-Да усмехнулся, пнул цепь у ног брата Цуна и сказал:

— Спи, больше не будем говорить. На общем языке слишком устаёшь.

Опасения А-Да были естественны. Они происходили из разочарования в старом правительстве и непонимания и недоверия к новому.

Брат Цун учил в учебниках или, вернее, видел в телерепортажах и журналах в детстве, что во времена старого правительства, чтобы защититься от внешних врагов, вся страна отправляла войска. Кушань тоже давал великих генералов, которые совершали множество подвигов.

В те времена Кушань не был таким жёстким и неприступным, как сейчас, и подчинялся правительству.

Возможно, как и описывал А-Да, народ Кушань был беден, и ради обещанных денег и продовольствия от старого правительства они готовы были пойти на всё.

Но едва закончилась война с внешними врагами, как внутри начались беспорядки.

Старое правительство отступало шаг за шагом, пока не оказалось в провинции Ин. Через два года провинция Ин отделилась и стала государством Ин.

Поражённое правительство не могло выполнить свои обещания народу Кушань, и семьи более сорока тысяч погибших так и не получили положенного им обустройства.

Эти раны остались шрамами на сердцах народа Кушань, потерявших своих близких и заброшенные поля.

После прихода к власти нового правительства восстановление шло полным ходом, и, как и

описывал А-Да, планировалось перестроить внутреннюю структуру страны. Простыми словами, каждый должен заниматься своим делом.

Одна провинция специализируется на выращивании зерна, другая — на промышленности, третья — на производстве оружия, четвёртая — на образовании и так далее. Цель — сделать специализацию более концентрированной и повысить эффективность развития.

Кушань не подходит для земледелия. Земля здесь не слишком плодородная, гор много, урожаи скудные. Поэтому, если его включат в систему, вероятно, здесь создадут несколько военных баз, запасы оружия, а местные жители станут рабочей силой на этих базах.

Такая структура кажется логичной, но на самом деле лишает провинции способности к самообеспечению. Ведь зерно производится в одной провинции, и другим провинциям, чтобы поесть, нужно подавать заявки на распределение.

А места, производящие зерно или лёгкую промышленность, чтобы получить другие ресурсы, должны пройти через сложный процесс распределения.

Конечно, брат Цун верит, что это временно. В конце концов, транспортная отрасль тоже развивается, и хотя сейчас распределение неэффективно, через несколько лет, если народ Кушань согласится, дороги и железные дороги дойдут до их дверей, а может, даже сровняют вершины гор, чтобы построить аэропорт.

Тогда государство Ши станет настоящим целым, огромным, слаженным механизмом. Каждая провинция станет его неотъемлемой частью.

Это и будет по-настоящему нерушимое единое государство.

Но А-Да не хочет этого.

Из отношения А-Да брат Цун понял, что они боятся, что их поля заберут, их соотечественников завербуют, что чужаки, как саранча, вторгнутся сюда, и Кушань больше не будет их территорией.

Это как если бы они когда-то подчинились одному королю, они проливали кровь ради него, но в конце концов он бросил их, оставив на выжженной войной земле. Им пришлось заново сеять и обрабатывать землю, восстанавливать разрушенное, хоронить погибших.

И когда всё только начало восстанавливаться, появился новый король.

Но народ Кушань ещё не залечил старые раны, всё ещё боится быть брошенным, как же они могут сразу поклониться новому королю и добровольно отдать то, что с трудом восстановили.

Страх и невежество заставляют их держаться за старое, предпочитая проливать кровь ради сохранения статус-кво, чем рисковать и пытаться измениться.

Даже если изменения неизбежны, даже если Кушань уже как рыба в котле.

В ту ночь брат Цун и А-Да спали под разными одеялами. Посреди ночи А-Да попытался прикоснуться к нему, но тот резко оттолкнул его.

Похоже, это движение задело рану, и лицо А-Да изменилось, но он не стал настаивать. Возможно, он решил, что подождёт, пока рана заживёт, чтобы разобраться с ним позже. В

конце концов, брат Цун был прикован цепью, и А-Да мог решить, когда с ним разделаться.

Но А-Яню повезло меньше. На следующий день, когда брата Цуна освободили от оков и отпустили прогуляться, он ещё не успел его увидеть, как услышал, как Ворон ругается.

Дом Ворона находился недалеко от дома А-Да, и до него можно было дойти за несколько минут.

А-Янь, похоже, плохо спал, его глаза опухли больше, чем два яйца, которые он держал в руках.

Он сидел на корточках, выглядел обиженным, и Ворон пнул его. А-Янь пошатнулся, но не упал, и Ворон пнул его снова, на этот раз сбив с ног, чтобы выпустить пар.

Увидев, что брат Цун подходит, Ворон прекратил ругаться, обернулся и ещё раз зло посмотрел на А-Яня, прежде чем взять ружьё и отправиться в горы вместе с А-Да.

Когда Ворон ушёл, брат Цун осторожно подошёл и помог А-Яню подняться.

А-Янь молчал, потирая задницу, нашёл маленькую скамейку и сел. Но как только он сел, сразу же вскочил, потрогав задницу и скамейку, прежде чем осторожно сесть снова.

Похоже, прошлой ночью его задница сильно пострадала.

Брат Цун почувствовал жалость, достал из кармана сигарету и протянул ему.

А-Янь дрожащими руками закурил, немного подождал, потёр руки и выдохнул густой дым.

— Смотри, ты... ты справился, — сказал брат Цун. — Это хорошо. Может, в первый раз было больно, но со временем привыкнешь. Просто представь, что это укол в задницу, укус муравья, удар кнутом...

— Нет таких больших уколов, — прервал его А-Янь.

Похоже, А-Янь действительно видел устрашающий инструмент, и теперь никакие слова утешения не помогут. Тело и душа были ранены, и только время могло исцелить.

— Время всё исправит.

— Нет, всё будет только хуже, — вздохнул А-Янь, вдыхая последний дым и снова потирая задницу. — Сегодня вечером я, наверное, уже не смогу избежать этого.

А-Янь выглядел очень печальным, его взгляд был полон тоски, он смотрел на небольшой домик неподалёку, где на ветру качались сушёные рыбы. Казалось, он за одну ночь стал взрослее.

Похоже, это дело не только превращает девочек в женщин, но и мальчиков в мужчин.

Но брат Цун уловил что-то странное. Он хотел сказать, что первый раз всегда самый болезненный, а потом будет только лучше, но вдруг что-то мелькнуло у него в голове, и он с подозрением спросил:

— Ты прошлой ночью... тоже отчаянно сопротивлялся?

На самом деле, сказать «отчаянно сопротивлялся» не совсем правильно, ведь всё произошло, когда А-Янь был пьян.

— Я искал его до полуночи, и, чёрт возьми, ты можешь представить, что он, пьяный, лежал в свинарнике? Ты когда-нибудь лежал в свинарнике? Я — нет, — с раздражением пожаловался Ворон А-Да.

<http://bllate.org/book/16300/1470131>